

Тан Шуаньи пребывал в полузабытьи, лишь смутно воспринимая доносившиеся снаружи голоса.

— Удастся ли нам обвести тех двоих вокруг пальца?

Тан Ваншуй с нескрываемым торжеством посмотрел на деревянный сундук:

— Конечно.

Он слегка постучал по крышке, и голос его стал мрачным:

— Знаешь, кому принадлежал этот сундук? Его сделал отец Тан Шу для своей дочери в качестве приданого. Позже она отдала его Тан Шуаньи, а тот передал Тан Минхэ.

Тан Шуаньи почувствовал, как его слегка тряхнуло — по-видимому, сундук погрузили на тележку и везли куда-то вниз.

— Тогда этот сундук...

Тан Шуаньи заставил себя вслушаться в разговор, но действие дурмана взяло верх, и он вновь провалился в небытие.

— Вещи, которые человек сжимал в руках перед смертью, лучше всего подходят для расправы над ними, — Тан Ваншуй смотрел на пятна крови на крышке, и взгляд его стал непроницаемым. — Тан Шу погибла, когда тот боров ударил её головой об острый угол этого самого сундука. Когда Тан Шуаньи пришел забирать тело сестры, те люди запихнули её одежду в сундук и отдали ему. А позже, когда связь Тан Шуаньи и Тан Минхэ раскрылась, Тан Минхэ засунули в этот же сундук и утопили в реке.

Тан Ваншуй достал из кармана спички, чиркнул ими и бросил горящую спичку на небольшой зеленый островок. Вспыхнуло пламя, но тут же погасло. Он с нескрываемым страхом и отвращением уставился на огонь:

— Как и я, больше всего на свете я не люблю огонь. Нужно скорее запереть Тан Шуаньи и заставить тех двоих идти медленнее, чтобы они не помешали нашему жертвоприношению.

В молодом голосе слышались нотки ужаса:

— А если они нас найдут? Боюсь, они не пощадят...

— Ха, — Тан Ваншуй посмотрел на окутанную туманом деревню. — Чего бояться? Вы всё равно

не умрёте по-настоящему. Вы чего больше боитесь — их пыток или того, чтобы снова сгореть заживо?

Река бурлила, волны с шумом разбивались о прибрежные камни. Тан Ваншуй специально выбрал путь вдоль берега.

— Если мы сорвем свадьбу Речного бога...

Тот, кто толкал тележку, не посмел договорить и умолк.

Для тех, в ком живет навязчивая идея, смерть не становится избавлением. Пока их одержимость не угаснет, они будут вновь и вновь переживать самые страшные моменты своей жизни, снова и снова умирать.

Тележка остановилась у большого дома с двустворчатой дверью — это был дом Тан Ваншуй.

— Бух!

Сундук сгрузили с тележки и небрежно бросили на землю. От удара головой о деревянную стенку Тан Шуаньи пришел в себя. Он попытался ударить по крышке руками и ногами, но сундук был закрыт наглухо, а сам он был слишком слаб — все попытки выбраться оказались тщетны.

Тан Ваншуй, слушая глухие удары изнутри, зевнул от скуки.

— Веди себя смирно, скоро мы тебя выпустим.

За этим последовал звук запираемой двери.

Юй Цзяхэ был заперт в самой большой комнате. Тан Ваншуй посмотрел на неподвижно стоявшего человека, и в его глазах промелькнула жестокость:

— Вы что, не знаете, что делать?

В остекленевших, лишенных жизни глазах куклы промелькнул страх.

— Приведите его в порядок, это же жертва, которую ждет Речной бог, — Тан Ваншуй опустил на стул. — От того, удастся ли этот обряд, зависит, переживем ли мы этот цикл.

Женщина в грубой домотканой одежде опустилась на колени и достала из обшарпанного сундучка косметику. Она была явно привычна к этому делу и принялась наносить грим прямо

на лицо Юй Цзяхэ. Она была единственным гримером в Деревне Тан и обслуживала как свадьбы, так и похороны. Женщина всегда носила с собой два чемоданчика: один для живых, другой для мертвых. К несчастью, после её смерти чемоданчик для живых затерялся.

Юй Цзяхэ густо набелили лицо, а на губы нанесли ярко-красную краску. Грим, белила, палитра — рука женщины зашарила в чемоданчике. В это время другая, высокая женщина встала позади Юй Цзяхэ и принялась расчесывать его волосы маленьким гребнем.

У Юй Цзяхэ были короткие волосы, но сейчас они ниспадали до самых щиколоток. Нижняя часть была грязной, сбившейся в колтуны — казалось, их просто приставили, причем качество волос оставляло желать лучшего. Но женщина, которая их расчесывала, делала это мастерски, причитая нараспев:

— Расчешу до самых кончиков, вторым гребнем седину поровняю...

Паузы между словами были одинаковыми, механическими и пугающими. Когда волосы были распутаны, она собрала их в прическу и закрепила искусно сделанной заколкой.

Как только с макияжем и прической было покончено, кто-то принес красный свадебный наряд. С Юй Цзяхэ сняли всю одежду, оставив лишь нижнее белье, и без труда облачили в праздничный костюм.

Последним штрихом стала красная фата.

<http://bllate.org/book/19177/1882793>